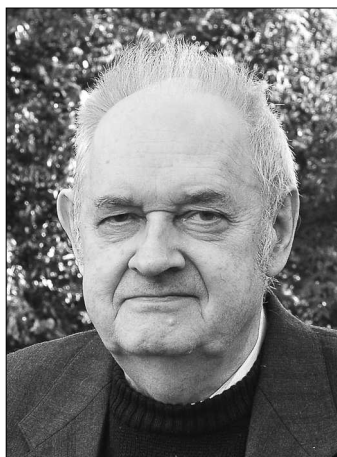


П О Э З И Я

Владимир ЛЕБЕДЕВ



Родился в 1928 г. в посёлке Мышкино Ярославской области.
Окончил Ярославский педагогический институт. Трудовая деятельность началась в Тутаеве. С 1970 г. живёт в Ярославле.
Работал редактором литературно-драматических передач областного радио, с 1974 года в течение почти 20 лет — главным редактором Верхне-Волжского книжного издательства. После выхода на пенсию несколько лет трудился литературным консультантом в писательской организации. Автор многих поэтических книг. Среди них выделяется последняя: «Зори и зарева». Но это не итоговый сборник. Поэт не сложил пера и готовит новую книгу.
Член Союза писателей России.

Запоздавший эшелон

Трубачи сорок первого

Я вижу их в фуражках и пилотках,
Когда они в дымящейся дали
Движением решительным и чётким
К губам горячим трубы поднесли.

И в прорву нарастающего рёва
Вонзили свой тревожный гневный клич.
А после, оттянув затвор сурово,
В окопах пограничных залегли.

Из фляг они поили пулемёты,
И губы их потрескались в огне.

Но, повторён сердцами патриотов,
Их трубный зов катился по стране.

И эшелоны к западу летели,
По ветру клочья дыма разметав...
Кто скажет, что их трубы потускнели,
Музейными реликвиями став?

Кто скажет, что грозой артиллерийской
Расплющены их трубы у границ,
А лица трубачей на обелисках
Безмолвно проступают сквозь гранит?

Нет, лица трубачей глядят живые
В почётном блеске ранней седины...
Так пусть расскажут трубы грозовые,
Как начинался первый день войны.

Запоздавший эшелон

*Памяти А. И. Лебедева, добровольца
Великой Отечественной войны*

Мой отец был дружен с поездами.
Помню, словно в движущейся раме,
Я его лицо в окне вагона.
Круто нарастает ритм разгона...
На прощанье слёзы светлой данью.
А потом, устав от ожидания,
Мы его улыбками встречаем.
Мирный разговор за поздним чаем.
Я твержу и не могу унять: «
«Как бы нам с тобой вдвоём остаться,
Сделать бы нам лук с волшебным звоном,
Погулять бы по лесам зелёным,
Нам бы в клуб сходить на постановку...»
Но опять ждала командировка.
Ждал отца простор, перронов холод.
Шло за пятьдесят, а он всё молод...
И пришла к нему однажды старость,
Да в дороге задержалась малость
И отца на месте не застала...
Ах, как молодо его мотало,
Продувая сердце горьким паром
В эшелоне, — только гром по шпалам.
Побродив по комнатам сутуло,
Старость на отца рукой махнула,

И со зла, аж дёргая щекою,
Навсегда оставила в покое.
Но тому покою я не верю.
Лютым сквозняком раскрыты двери,
Прорывая времени заслоны,
Всё летят дощатые вагоны.
У стены — секли её осколки —
Мой отец забылся сном недолгим.
У него в кармане гимнастёрки
Чудом уцелел листок истёртый,
Где у нас назначено о встрече.
Горечь всех разлук она излечит.
От остывших, прогнутых позиций
Паровоз в края живые мчится.
На меня накатится мгновенно,
Опахнув бездомностью военной.
И родное сердце сердцем чуя,
На путях под звёздами кричу я:
«Машинист, притормози немножко,
Вон — солдат спустился на подножку,
Он повис, придерживаясь еле,
В долгополой сталинской шинели...»
И всего осталось от бывшего
Первозданное родное слово.
«Папа...» — на губах дрожит неловко.
Дребезжа расплющенной винтовкой,
Спрыгнет он в последнее мгновенье...
Паровоз уйдёт без направления.
И останемся в мерцанье млечном
Мы вдвоём. Теперь уже навечно.

Сельский мечтатель

Мой дед, ярославский крестьянин рачительный,
Тратил весь день на дела исключительно:
На сруб для бани,
На новые сани,
На молитву перед иконою...
А ночь мерцающую, бессонную,
Он, как лукаво сосед заметил, —
«Безрассудно бросал на ветер».
А я бы сказал: на розу ветров.
...В сенях, среди кадок и топоров
В сосновом ларе (это мне известно)
Хранились норд-осты, хранились зюйд-весты,
Скрипучим запертые засовом.

Хранились они, до поры спрессованы,
С электрической дрожью мерной.
Ну, словом, то были романы Жюль Верна —
К «Ниве» бесплатное приложение,
Жизни дедовой продолжение.
Руки едва оторвав от плуга,
Дед пробовал крепость индийского лука.
Только сойдя с благолепного клироса,
Вступал на железный борт «Наутилуса».
Мечтатель с натруженными руками,
Так и не понятый земляками.

Быль о русской берёзе

Кора её нежна,
И мы на ней когда-то
Любимых имена
Чертили угловато.

О ней Есенин пел,
И грусть её знакома...
Но я её теперь
Увидел по-другому.

В кору вонзился нож,
И сок по капле вытек.
И человек унёс
Упругий белый свиток.

Под сводом блиндажа,
Дохнув махоркой густо,
Свинцовый шрифт он вжал
В кору тугую с хрустом.

Наган с ремня свисал,
Винтовка за плечами.
Работал комиссар,
Наборщик и печатник.

Расправив жёсткий лист,
Хлебнул воды из фляги:
«Ну, вот и обошлись
Сегодня без бумаги!»

...Такие вот дела:
Берёзонька раздета.

Берёза умерла,
Но родилась газета.

На белой, словно мел,
Черна строка скупая,
Кричали буквы: «Смерть
Фашистским оккупантам!»

Убрав за патронташ
Коры тугую стопку,
Связной понёс тираж
По партизанским тропкам.

И ни в каком костре
Кора так не горела,
Как в этом декабре,
Когда сердца согрела!

Самый просвещённый человек

В антенной чаще заблудился век,
Под стать наивному богатырю.
Я самый просвещённый человек,
Поскольку телевизор не смотрю.
Не потому ль в квартире у меня
Такой покой, такая тишина?
Не травит сердце злая беготня,
Не голосит рекламная шпана.
Здесь не страшны изломы лживых призм,
Что превращают жизнь в кошмарный сон,
Бессилен даже кинотерроризм,
Хоть он и в Голливуде оснащён.
Здесь испаренья долларовых рек
Не разъедают ржавчиной зарю...
Я самый защищённый человек,
Поскольку телевизор не смотрю.
Здесь Мисс Порнуха, нагло хохоча,
Не подвернёт с экрана вислый зад...
Лишь у иконы теплится свеча
Да чеховской теплынью дышит сад.
К раскрытой книге снова я приник,
И только с ней, заветною, вдвоём
Я понял, как прекрасен наш язык,
Когда картавых букв не слышно в нём.
Но всё ж я верю, что настанет срок
И снова телевизор я включу.

Ох, как рванёт весёлый ветерок! —
И выдует и моль и саранчу,
Развеет чад разбойничьей пальбы,
Весенним ливнем смоем гнусный грим...
О, ветер возродившейся судьбы,
Ты так свежо взмахнёшь крылом своим!
И прояснится утренний экран,
И подарит раздумья, смех и грусть,
И даже предки, выглянув из рам,
Беззвучно умилятся: «Это — Русь!..»

Бабье лето

Стоят в червонных шалях деревца.
Я что-то цепкое сняла с лица
И ветру отдала. Он стал теплее.
И вот летят над садом, над аллеей,
Над солнечной горушкой, над лощинкой
Серебряные женские морщинки.
Куда? А в это стоит ли вдаваться,
Ведь я помолодела лет на двадцать.
Помолодела ветряная даль...
Осина тихо уронила шаль.

* * *

Нине Приваловой

Коль Нины нет, то на сердце так смутно,
Часам тяжёлым я теряю счёт,
И мрак кругом, и небо тускло-мутно,
И нудный дождь за окнами течёт.
Над старой книгой я сгибаю спину,
Но не уходит горькая печаль.
Я жду тебя. Вернись скорее, Нина!
Пусть прояснится сумрачная даль.